

Список литературы

1. Кусиков А. Автобиография / А. Кусиков / Новая русская книга (Берлин). – 1922. – № 3.
2. Поэты-имажинисты / сост., подгот. текста, биогр. заметки и примеч. Э. М. Шнейдермана. – СПб. : Пб. Писатель – М. : Аграф, 1997.
3. Гашкова Е. М. От серьеа символа к символической серьеаности / Е. М. Гашкова // Метафизические исследования. – СПб., 1997. – Вып. 5. Культура. Альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ.
4. Шершеневич В. Кому я жму руку / В. Шершеневич. – М. : Орданс, 1929.
5. Брюсов В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии / В. Брюсов // Печать и революция. – 1922. – № 7.

**ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ИМПЕРСКОГО КИТАЯ**

**В.А. Любимова
(Россия, Астрахань)**

В статье на материале художественных и дидактических произведений, бытовавших в образовательном дискурсе старого Китая, рассматривается идеальный женский образ китайской культуры. Автор анализирует те качества, которые составляли этот идеал, и которые должны были сформироваться в девочке в процессе ее воспитания и образования.

The article reveals the ideal female image of Chinese culture based on artistic and didactic works that existed in the educational discourse of the old China. The author analyzes the qualities that made up this ideal, and which were formed in a girl during her upbringing and education.

Ключевые слова: конструирование идеального образа, нравственный идеал, культурный контекст, гендерная идентичность, контент-анализ.

Key words: construction of the ideal image, ideal moral, cultural context, gender identity, content analysis.

Рождение детей в целях продолжения рода было первостепенной задачей и смыслом брака в старом Китае. «Брак заключается для того, чтобы человек был в состоянии правильно служить усопшим предкам и иметь возможность продолжать свой род», – говорит философский трактат «Ли-цзы» [1, с. 126]. Рожденные от этого брака сыновья будут кормить своих отцов и дедов в старости, а также их души – после смерти. Многодетность приветствовалась как гарантия того, что несчастный случай или болезнь не прервут прямую нисходящую линию родства. Таким образом, как социально-экономические, так и религиозные мотивы побуждали китайцев заботиться о продолжении рода по мужской нисходящей линии.

Рождение сыновей воспринималось как милость Неба, и напротив – их отсутствие свидетельствовало о совершенных родителями или родом в целом грехах. В новелле «Башня подношения предкам» писатель и драматург XVII в. Ли Юй так описывает завязку сюжета: «...хотя род Шу был весьма многочислен, у предков нашего героя в семи поколениях рождался всего один ребенок. Братьев и сестер у них не было, поэтому линия рода шла от отца к сыну. А все оттого, что среди Пяти нравственных установлений, видимо, одного не хватало» [2, с. 267].

Конфуцианская мораль требовала безусловного отделения мужчин от женщин. Поэтому и девочки должны были с детства быть отделены от братьев и получать принципиально иное воспитание, направленное на культивацию послушания, терпения и чувства долга. В одной из песен «Шицзина» («Книга песен», XI–VIII вв. до н. э.) описывается различие в обрядах, сопровождавших рождение мальчика и девочки:

Коль сыновья народятся, то спать
Пусть их с почетом кладут на кровать,
Каждого в пышный оденут наряд,
Яшмовый жезл как игрушку дарят.
...Если ж тебе народят дочерей,
Спать на земле уложи их скорей,
Пусть их в пеленки закутает мать,
В руки им даст черепицу играть!

Зла и добра им вершить не дано,
Пищу варить им и квасить вино,
Мать и отца не заставить страдать [5, с. 19].

Впрочем, процитированный перевод А.А. Штукина не совсем точен – в последней строке речь идет не о страданиях, а о позоре. Главное, что должна была своим родителям девушка – это не опозорить их.

Знаменитая женщина-конфуцианец Бань Чжао (49–120 гг.) составила «Наставление для женщин», и заметим, что мало кто из ученых мужей отзывался о женщинах так презрительно, как госпожа Бань. Комментируя выше процитированную песню «Новый дворец», она пишет: «В былые времена, когда в семье рождалась девочка, на третий день ее клали на пол под кроватью и давали ей в качестве игрушки прялку... Ее держали на полу, чтобы показать, каково ее низкое положение, и приучить к повиновению. Прялка, которую ей давали в качестве игрушки, должна была приучить ее к работе и к послушанию». Она же в подтверждение своего тезиса приводит древнюю поговорку: «Тот, у кого имеется сын, надеется, что он станет сильным, как волк, и опасается, как бы он не стал подобным червю. Тот, у кого есть дочь, мечтает о том, чтобы она стала подобной мыши, и опасается, как бы она не стала тигрицей» [5, с. 16].

Анализ художественной литературы и ряда других источников однако показывают, что отношение родителей к девочке, хотя древние нормы и предписывали равнодушие, на деле было эмоционально теплым и богатым, если только нищета и лишения не заставляли родителей на каждого ребенка смотреть как на лишний рот. Впрочем, если бедность заставляла отказываться от детей, то первыми продавались, выбрасывались и убивались, конечно, девочки, так как они уйдут в чужую семью, не продолжат род отца и не смогут зарабатывать на пропитание престарелым родителям [3, с. 78].

Иногда бедные родители, понимая, что не смогут вырастить дочь, с раннего детства отдавали ее в невестки в более богатый дом. Богачам это давало возможность приобрести невесту для сына совершенно бесплатно и вырастить ее так, как они захотят. Разумеется, такая девочка фактически росла рабыней свекра и свекрови. Если ее обижали, заступиться за нее было некому. Если ее малолетний жених умирал, она все равно не имела возможности выйти за другого – она должна была стать вдовой-девственницей и всю жизнь хранить верность покойному.

Образование и воспитание, которое получали девочки и мальчики сильно различалось, в том числе выполняя роль укрепления сложившихся статусных моделей. В то время как девочки обучались только в домашних условиях, мальчики из разных сословий посещали учебные заведения, если финансовое положение семьи это позволяло. Разумеется, далеко не все дети, посещавшие начальные школы, имели шанс окончить их, а тем более сдать экзамены и стать чиновниками. Но школа выполняла, тем не менее, важнейшую функцию социализации мальчиков, в том числе и трансляции гендерных моделей поведения и стереотипов.

Как отмечают Эдвардс, Науч и Кумру в статье, посвященной социализации детей в традиционных обществах, «...общение с компаньонами того же пола помогает им принять гендерную идентичность и роли. Однако в своем обычном окружении девочки имеют больше доступа к взрослым женщинам, чем мальчики к взрослым мужчинам. В результате мальчики более склонны искать общества старших мальчиков, которые могут служить как модели. Мальчики чаще играют с другими мальчиками, чем девочки с другими девочками» [9, с. 35]. Это тем более верно в отношении китайского общества, что девочки, как правило, вели очень замкнутую жизнь в стенах своего дома. Им не разрешалось ходить в школу, навещать подруг или гулять по улицам без взрослых, так как все это могло вызвать сомнения в нравственности девочки.

Если мальчики из привилегированных слоев непременно должны были учиться, то для девочек, даже из очень знатных семей, грамотность не была обязательна. В целом, учить или не учить дочь грамоте решали сами родители, это зависело от их собственных привычек и склонностей, а не от требования на рынке невест. Цао Сюэцин несколько раз упоминает о девочках, которых учили не только чтению и пись-

му, но и стихосложению и литературе. «Она была умной, способной, и родители, не имея прямого наследника, воспитывали ее как мальчика, обучали грамоте, пытались хоть этим немного скрасить свое одиночество», «Вместе с ней учились две девочки-служанки», «племянницу эту с самого детства воспитывали как мальчика и дали ей школьное имя – Ван Сифэн», «Отец обожал Баочай, разрешал ей учиться, читать книги», «В последнее время государь проявлял особый интерес к наукам. Он окружил себя людьми учеными и талантливыми и щедро осыпал их милостями; дочери знатных сановников должны были лично являться ко двору. Из них выбирали государю жен и наложниц, а наиболее талантливых зачисляли в свиту императорских дочерей, чтобы они вместе учились» [6, с. 34–35, 49, 69, 70].

Однако, оценивая эти свидетельства, следует иметь в виду, что: 1) речь идет о представителях аристократии и служилой элиты; 2) обучение девочек всегда является результатом каприза или прихоти какого-нибудь мужчины: отца, дяди, хозяина или императора; 3) само настойчивое повторение, что девочку учили «как мальчика», указывает на нетипичность книжного образования женщин.

Основой и краеугольным камнем воспитания ребенка в китайской семье было сыновнее или дочернее почтение. Повиновение отцу было поистине беспредельным: и сын и дочь не имели права ни в чем родителям отказать, они должны были угадывать желания родителей, заботиться об их нуждах, стремиться своими деяниями прославить их имена и ставить интересы своих родителей превыше всего. На уровне бытовых привычек и этикета это проявлялось в том, что дети должны были каждое утро являться к родителям и справляться об их здоровье; даже в богатом доме они должны были стараться оказать им как можно больше услуг лично, не прибегая к помощи слуг. Пословицы гласили: «Всем добродетелям угрожает опасность, когда сыновнее благочестие поколеблено», «Недостойн имени сына тот, кто любит другого человека больше, чем своего отца», «Всякий злодей начал с того, что стал дурным сыном».

Государство поощряло проявления сыновней почтительности, доходившие даже до эксцессов. Особенное внимание уделялось при этом проявлению самоотверженности среди женщин. К примеру, в 1890 г. в «Пекинском вестнике» был опубликован доклад сановника Ли Хунчжана «О беспрецедентной почтительности». Суть этого доклада такова: дочь одного помещика самоотверженно ухаживала за больной матерью. Но это не помогло: мать скончалась. Тогда и дочь осудила себя на медленную голодную смерть и после четырехнедельного поста умерла. Докладывая императору об этом проявлении дочерней любви, Ли Хунчжан ходатайствовал об увековечении памяти девушки почетной табличкой» [4, с. 361–362]. Женщины, чья исключительная преданность мужу или свекру и свекрови доходила до жертв собственной жизнью, получали от правительства особые награды – в их честь устанавливались каменные арки, вывешивались почетные таблицы, иногда даже закладывались посвященные им храмы.

Нарушение сыновнего почитания было уголовно наказуемо. И напротив, тот, кто шел на преступление ради своих родителей, не освобождался, конечно, от наказания, но с моральной точки зрения был оправдан в глазах общества. В рассказе Цзи Юня маленькая служанка обокрала своих хозяев, чтобы спасти мать от голода. Когда же хозяин, узнав об этом, избил девочку, то даже нечисть – лиса, обитавшая в доме, возмутилась и вступилась за нее: «Мне стало жалко эту девочку, которой нет еще и десяти лет, а она ради матери терпит побои» [7, с. 227].

Воспитание женщин было целиком направлено на достижение традиционного идеала жены: кроткой и послушной, беспрекословно и радостно выполняющей приказы старших по возрасту и положению в семейной иерархии, в первую очередь свекрови, неустанно заботящейся о домашнем хозяйстве и не вмешивающейся в мужские дела. Эта идеальная женщина проводила всю свою жизнь в стенах дома и им ограничивался круг ее забот. В ее обязанности так же входило воспитание дочерей до замужества и сыновей до семи лет, после чего заботы об их образовании и наставлении должны были переходить к мужчинам.

Чтобы привить девочкам соответствующие представления и воспитать их согласно идеальной модели их полагалось обучать на примере идеальных женщин

древности, чьи биографии составлялись, тиражировались, и переписывались в течение всего письменного периода китайской истории. Контент-анализ таких сборников как нельзя лучше позволяет судить о том, какой мыслилась идеальная женщина в конфуцианской системе взглядов, какой образец для подражания задавался женщинам и насаждался в обществе сознательно и планомерно.

Одним из самых известных примеров для подражания является история «Мать Мэн-цзы». Суть ее в том, что мать великого китайского мыслителя Мэн-цзы, оставшись молодой вдовой с маленьким ребенком на руках, всю себя посвятила целям воспитания из него образованного и полезного для общества человека. Поэтому она трижды переезжала из одного места в другое, поскольку окружающая среда казалась ей неподходящей для нравственного воспитания мальчика. Вначале они жили возле кладбища, потом возле базара, и мать Мэн-цзы боялась, что сцены, увиденные там, сформируют у ребенка неправильные образцы для подражания, поэтому в итоге она поселилась подле школы, и ее сын с детства стал тянуться к образованию. Мать Мэн-цзы в китайском дискурсе – идеал образцовой матери, вдумчивой и дальновидной, проявляющей заботу не только о материальном благосостоянии, но еще больше о нравственном воспитании своего ребенка [11, с. 28].

Другая история о матери Мэн-цзы рассказывает о том, как она порезала ткань, которую только что соткала, когда он решил завершить свое обучение не доучившись. На удивленный вопрос сына мать ответила, что так же как обрезать ткань, выткнув только половину ее, значит полностью уничтожить результаты своего труда, и бросить образование, не завершив его, значит свести на нет свои усилия и остаться во тьме невежества. Еще одна говорит о том, что сын хотел бросить свою службу у князя Ци, поскольку князь не прислушивался к мудрым советам, но он беспокоился, что потеря службы и связанного с ней достатка, будет обременительна для старой матери, на что та ответила, что ее место рядом с сыном, и если его совесть требует покинуть царство Ци, она без рассуждений поедет с ним, не жалуясь на судьбу [11, с. 31].

Ряд историй повествует о том, как благородные и мудрые жены строго придерживаются малейших деталей церемоний и норм общественного поведения, чтобы на честь семьи не пало пятно. Такова, например, Мен Цзи, собравшаяся покончить с собой, когда муж пытался заставить ее поехать в коляске, открытой для обозрения окружающих [12, с. 7]; такова вдова Мен Цзянню, посмевавшая ругать и упрекать князя, который принес ей соблезновения в смерти ее мужа, погибшего за свою страну, не соблюдая при этом должного ритуала – на обочине дороги, а не в семейном храме [11, с. 40] и т.п. Строгая приверженность этикету, охраняющему женскую честь и безупречное имя, доходит до эксцессов в знаменитой истории о Чистой Цзян, супруге князя, которая отказалась во время наводнения последовать за княжеским посланцем и спастись от гибели, потому что в спешке князь забыл передать этому человеку бирку, удостоверяющую его полномочия. Рассудив, что без этой бирки посланец выступает по отношению к ней самой не как транслятор княжеской воли, а как посторонний мужчина, княгиня Цзян предпочла не идти за ним, а умереть в волнах [10, с. 336].

Особо выделяются истории, созданные в откровенно морализаторском ключе, где речь прямо идет о нормах поведения женщины и ее обязанностях относительно мужа и его родителей. Так, особой чести от правителя страны оказалась удостоена жена некоего Баосу, чей муж бросил ее ради прекрасной наложницы, а она, не смотря на уговоры родни развестись с ним, говоря что у женщины нет ни одного достойного повода для развода, а у мужчины их семь (ревность жены, ее вольное поведение, гордость, злословие, скупость, воровство, бесплодие, болезнь), но все это к ней не относится. Поэтому она продолжала оставаться в его доме и служить его родителям. Узнав об этой женщине, сам князь восхитился ее добродетелями и пожаловал ей титул «Достойная прародительница» [8, с. 45].

Ряд историй демонстрирует, что идеальная женщина, однако, не мыслилась как безгласная рабыня, совершенно не интересующаяся делами мужа. Напротив, не вмешиваясь в его профессиональную деятельность, идеальная жена чутко следила за «моральной составляющей» его активности, и если супруг допускал серьезные про-

счета, грозящие благополучию или разрушению нравственной атмосферы всей семьи, в ее долг входило найти правильные слова, чтобы заставить его одуматься. Такова, например, история о жене некоего Цю Ху, который после долгой отлучки из дома не поспешил скорее к своим родителям, а стал бесстыдно заигрывать с женщиной, собиравшей у дороги тутовые листья, которая оказалась его собственной женой. Чтобы муж понял, до какой глубины дошло его падение, женщина бросилась в колодезь [11, с. 45].

Другая история повествует о жене возницы, который прислуживал сановнику Яну. Видя, с каким достоинством и внутренней сосредоточенностью держит себя сановник, и как небрежен, бесстыден и самодоволен по контрасту с ним ее собственный муж, жена возницы собрала вещи в узелок и стала грозить, что уйдет от него. Узнав причину ее решения, возница устыдился своего поведения, стал работать над собой и благодаря покровительству сановника Яна, оказанному в первую очередь в награду за добродетель жены, достиг высокого положения в стране.

Как следует из всего сказанного выше, китайская художественная и дидактическая литература конструирует идеальный женский образ, обязательный для подражания и передачи в воспитательном процессе. Основными составляющими этого образа выступают: целомудрие, всецелая преданность мужу и его семье, неукоснительное следование ритуалу и всем этикетным нормам и формулам, и умение, не присваивая себе властных функций, в целом, не свойственных женщине в традиционном обществе, тем не менее, давать мужу в случае необходимости полезные советы, в первую очередь, касающиеся морали и долга.

Список литературы

1. Ли-цзы. Все о Китае / Ли-цзы. – М., 2003.
2. Ли Юй. Двенадцать башен / Ли Юй. – М., 1985.
3. Саракаева Э. А. Даосские концепции маскулинности / Э. А. Саракаева. – Элиста, 2011.
4. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого / В. Я. Сидихменов. – Смоленск, 2003.
5. Усов В. Н. Жены и наложницы Поднебесной / В. Н. Усов. – М., 2006.
6. Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме / Цао Сюэцинь. – М., 1995.
7. Цзи Юнь. Записки из хижины «Великое в малом» / Цзи Юнь. – СПб., 2003.
8. Biographical Dictionary of Chinese Women. – N.-Y., 2007.
9. Edwards C. P. Socialization of Boys and Girls in Natural Contexts / C. P. Edwards, L. Knoche, A. Kumru // Encyclopedia of Sex and Gender. – N.-Y., 2004.
10. Evans Harriet. Past, Perfect and Imperfect: Changing Images of the Ideal Wife / Evans Harriet // Chinese Femininities, Chinese Masculinities. – LA, 2002.
11. Liu Xiang. Lienü zhuan / Liu Xiang. – Sibubeiyao, 1985.
12. Liu Shisheng. Zhongguo gudai funüshi / Liu Shisheng. – Qingdao, 1991.

ВЛИЯНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ К «ЧУЖОМУ»¹

И.В. Лебедева, Мако Томас, О.В. Манцерова
(Россия, Астрахань; Германия, Берлин)

Современная Европа испытывает массу проблем, связанных с интеграцией мигрантов, что является причиной негативного отношения к ним. Мигранты воспринимаются как нечто «чужое», непонятное, неприемлемое, однако, несмотря на это, присутствующее в обществе. Канцлер ФРГ Ангела Меркель заявила о несостоятельности политики мультикультурализма, Тило Саррадин обвиняет иностранных мигрантов в проблемах страны. Однако, согласно новым заявлениям немецкого правительства, высококвалифицированные мигранты могут сыграть решающую роль в решении проблем немецкой экономики. Представители российской академической элиты: молодые ученые и студенты, получив возможность завершить свое образование в Германии или найти работу в этой стране, уже не будут представлять собой нечто «чужое» для принимающей их страны, поскольку эта страна нуждается в них.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 11-33-00395a2 «"Другой" в семье».